

Аразова М. А., Екатеринбург
(науч. рук. – Барковская Н. В.)

Тема войны в «Беженской поэме» Ивана Елагина

Arazova M. A.

The theme of war in "Bezhenskaya poem" of Ivan Elagin

Статья посвящена творчеству Ивана Елагина – поэта второй волны эмиграции. Нами исследуется «Беженская поэма» как итоговое произведение, в котором на первый план выходит тема Второй мировой войны. Тема войны одна из ключевых в творчестве И. Елагина. Ее анализ помогает сделать вывод о трагическом мироощущении поэта, которое возникает уже в ранних поэтических сборниках и сохраняется на протяжении всего творческого пути.

Ключевые слова: Елагин, война, XX век, «Беженская поэма», трагедия.

The article is devoted to the works of Ivan Elagin, the poet of the second wave of emigration. We study the "Bezhenskaya poem" as a final work, in which the theme of the second world war comes to the fore. The war is one of the key themes in the works of I. Elagin. Its analysis helps to draw a conclusion about the poet's tragic perception of the world, which arises in the early poetry collections and remains throughout the creative path.

Keywords: Elagin, war, the twentieth century, "Bezhenskaya poem" a tragedy.

Иван Елагин (1918 – 1987) – поэт второй волны эмиграции, судьба которого оказалась тесно связана с трагическими перипетиями войны, в том числе причиной его отъезда из СССР. Отец Ивана, поэт-футурист Венедикт Март, был расстрелян в 1937 г. Иван учился в Киеве в медицинском институте, работал в больнице – и остался в городе, оккупированном немцами. Но чем дольше шла война, тем отчетливее поэт понимал, что, опадись он в руки НКВД, ему предъявят «всего одно обвинение – сотрудничество с оккупантами» [Витковский 1998: 21], ведь он работал при немцах в роддоме. И не понадобилось бы вспоминать расстрелянного в конце 30-х годов отца, а также других эмигрировавших и расстрелянных родственников. Е. Витковский пишет, что на востоке Елагина ждала гибель, на западе – неизвестно что [Витковский 1998: 21]. Естественно, поэт выбрал эмиграцию.

Тема войны появляется уже в ранних стихотворениях Ивана Елагина и присутствует в его поэзии интенсивно и до конца жизненного пути. Однако стихотворения И. Елагина ни в коем случае нельзя сравнивать со

стихотворениями поэтов-фронтовиков К. Симонова, Ю. Друниной, С. Орлова и др. Пронзительное творчество этих поэтов в годы войны стало близким всему народу. Они выражали своей поэзией голоса миллионов граждан. Ивану Елагину тоже довелось побывать под бомбежками, но в отличие от поэтов-фронтовиков, он в войне не участвовал, за родину не сражался. Это серьезно повлияло на его творчество. В своей поэзии Иван Елагин выражает не взгляд народа, борющегося с врагом, а скорее, взгляд на эту борьбу со стороны. В чем специфика такого взгляда, что открылось поэту?

В поэтических сборниках «По дороге оттуда» (1947), «Отсветы ночные» (1963) создаются три лика войны. Во-первых, это война как цельный и обобщенный художественный образ: образ охваченной войной Европы, отдельно взятого города или целой страны. Этот образ представлен с позиции наблюдателя. Это такие стихотворения, как «Строили да рухнуло» [Елагин 1998: т.1,119], «Они прошли по тысяче дорог» [Елагин 1998: т.1:95], «Над ветками, над ульями» [Елагин 1998: т.1:127-128]. Во-вторых, Елагин часто использует детали военного времени, включая их в стихотворения с иной тематикой. В них автор акцентирует внимание на конкретных деталях военного быта («Не надо их. Оставь. Они жестоки...» [Елагин 1998: т.1:143], «Одеялом завешены стекла...» [Елагин 1998: т.1:78]). И, в-третьих, война используется поэтом как источник для поэтической образности. Это стихотворения, в которых Елагин прямо о войне не говорит, но та лексика, к которой он обращается, связана с семантическим полем войны. Например, ст. "Скрипач":

Звуки тончайшей выточки
Соскальзывали с плеча,
Как будто тянул он ниточки
Из солнечного луча.
Лежала на скрипке щека еще,
Дрожала еще рука,
И звук всплывал утопающий
За соломинкою смычка.
И ноту почти паутинную
Он так осторожно сужал,
Что скрипка казалась *миною*,
Которую он разряжал.[Елагин 1998: т.1:188]

Бросается в глаза последовательность сравнений, используемых поэтом. Сначала звуки, которые издает скрипач, сравниваются с ниточками солнечного луча, хрупкими, почти неощутимыми. Далее поэт олицетворяет звуки – они словно тянутся за смычком, как тянется утопающий за соломинкой. Звук в представлении поэта уже становится телесным. Но после сравнения ноты с паутиной, вся скрипка в сознании поэта превращается в мину. После ряда сравнений звуков с чем-то хрупким появление смертоносной детали не может остаться незамеченным. Скрипач встает в один ряд с сапером – оба не имеет права на ошибку. За такие ошибки расплачиваются жизнью. Сопоставление искусства и смертельной ситуации – не редкость в поэзии И. Елагина. Травма, нанесенная войной, поэтом не изжита, трагический опыт не забыт. Именно этот опыт определяет мировоззрение Елагина.

Первые две лика войны в творчестве Ивана Елагина по преимуществу представлены в ранних сборниках поэта. Третий, в которой война обнаруживается как источник для поэтической образности, как неизбывная травма, сохраняется в поэзии Елагина до конца его творческого пути.

«Беженская поэма» [Елагин 1998: т.2:248-255] представляет собой итоговое произведение в творчестве Елагина. Поэма опубликована в последнем прижизненном сборнике поэта «Тяжелые звезды», вышедшем в 1986 году. В последние годы жизни Елагин очень часто обращался к своему прошлому. И такие произведения, как «Нью-Йорк – Питтсбург» [Елагин 1998: т.2:256-270], «Зал ожидания» [Елагин 1998: т.2:175-179], «Беженская поэма» представляются попытками поэта воскресить в своей памяти события прошлых лет. В автобиографичности этих произведений трудно усомниться: Елагин точно называет города, в которых он бывал, имена людей, с которыми он встречался, точно указывает даты.

В «Беженской поэме» спустя много лет Елагин вновь обращается к теме войны, которая опять, как в ранних поэтических сборниках, представлена поэтом по-разному.

Именно с войны начинается взрослая жизнь Ивана Елагина. Начинается поэма с образа Мюнхена, покалеченного войной. Обилие разрушений, руин, развалин представлено как «выводы из войны законченной». Эта изломанность города, когда-то созданного человеческими руками, а ныне разрушенного войной, отсылает нас к ранней лирике поэта, напр., к стихотворению "Строили, да рухнуло":

Памятник и госпиталь,
Церковь и приют.
И поныне к Господу
Камни вопиют.
И на небе вызаря
Ржавчину крестов,
Весь летишь ты к Изару
Броситься с мостов

[Елагин 1998: т.1:119]

То же самое мы видим и в Беженской поэме:

А вокзал – как выводы
Из войны законченной:
Окна все повыбиты,
Двери заколочены.
В реку остов башенный
Рухнул, как подкошенный.
Рядом с крыши крашеной
Черепица сброшена

[Елагин 1998: т.2:248]

В этом обилии деструкций бросаются в глаза несколько живых существ – сизые голуби, пролетающие над рекой, и кошка, которая крадется по руинам.

Гневно разворочена
Мостовая миною,
Кошка озабоченно
Крадется руиною

[Елагин 1998: т.2:248]

Именно они символизируют продолжение жизни, даже на фоне глобальных катастроф XX века.

Далее в «Беженской поэме» образ войны отступает, а на первый план выходят эмигранты, "перемещенные лица", "беженцы-отверженцы". Детально обрисованы беженские бараки, неустроенный быт, поддельные документы – Елагин раскрывает перед читателями свою жизнь первых послевоенных лет, столь типичную для многих. В поэме мелькают разные люди – женщины, мужчины, дети, которые хотят спастись, найти себе новое пристанище. И в

этом они сродни осторожно крадущейся кошке или голубям, ищущим гнездо. Лирический герой – "недотепа форменный" – один из многих, он тоже обзаводится "липовой справкой", решает выкинуть "стихи давнишние" в помойное ведро, беспокоится о том, как сложится дальше его жизнь.

Но в 4-й части мотив войны снова выходит на первый план. Появляется образ Игоря, выступающего в поход против половцев. Тема Второй мировой войны пересекается с темой неудачного похода древнерусского князя. Но почему Иван Елагин вспоминает именно «Слово о полку Игореве»? Здесь опять на первый план выходит трагичность мировосприятия Елагина. Атмосфера страха, ужаса, паники в «Беженской поэме» важна. Обреченность похода князя Игоря соотносится с обреченностью людей, «запертых» в беженских бараках, с обреченностью человека XX века вообще.

Именно поэтому образ войны с половцами в итоге сливается с беженскими реалиями:

Только близко половцы
С копьями и с луками.
А казарма полнится
Яростными слухами.

Что сосед вполголоса
Говорит – не вынести.
По казарме полозы
Ползают, пружинисты

[Елагин 1998: т.2:251-252]

Часть 5-я снова рисует мирный, хоть и неустроенный быт беженцев: в театре лагерном ставят "Бесприданницу", кто-то спекулирует валютой, кто-то торгует селедкой, кто-то ходит на курсы механиков или электриков. Но над всеми нависает смерть: "Завтра яму выроют, / Сгинешь смертью лютою..."

После такой мирной передышки (насколько она возможна в казарме, уподобленной кругу адову) в главке 6 Елагин опять обращается к обильной детализации, и крупным планом дает обломки военного времени: «Кинутая, бренная, // Сломанная, ржавая // Техника военная», «Крылья самолётные // Утонули в клевере», «Остов от «мерсédеса» // С острыми останками», «Сгнившее сидение // С выдранный пружиною». И над всей этой свалкой царит

полная тишина, «безлюдие», прерываемое только пением птиц. Природа (земля, трава, клевер, паутина) постепенно побеждает орудия смерти.

Но тишина обманчива. Война, катастрофа, смерть в любой момент снова ворвутся и уничтожат все живое. Это трагическое мироощущение поэта достигает своего апогея в конце «Беженской поэмы».

В финальной 7-й главке рисуются образы двух беззаботных мальчишек, играющих во дворе у казармы и, как все мальчишки, с любопытством копающихся в останках военной техники. В их руках вместо мяча оказывается мина:

Как ударит зарево
Среди поля голого!
ВитенькеТрубарову
Размозжило голову.
Кровь на камне вытекла.
Он лежит не двинется.
А всего-то Витеньке
Было лет одиннадцать

[Елагин 1998: т.2 : 254-255]

Так почему же «Беженская поэма» заканчивается не каким-то личным сюжетом, а ужасной, страшной гибелью какого-то, вроде бы совсем даже близко не имеющего отношения к самому Елагину, мальчишки? В конце этой поэмы представлен "долгий след" войны. Она крепко укоренилась в мире, она врезалась в память, она стала мироощущением поэта, и от нее уже невозможно избавиться: «Но и годы-мамонты / Поступью не выбили / У меня из памяти / Этой скорбной гибели [Елагин 1998: т.2:255].

Таким образом, Иван Елагин – поэт, явно выделяющийся среди всех поэтов, которые писали о войне. Для Елагина на первое место выходит не сила и стойкость народа, который встает на защиту своей родины, а трагедия всего человечества, которое зверскими убийствами, жестокостью, кровью безвинных запятнало весь XX век. Именно тема войны дает возможность поэту высказаться о трагедии всего XX века, об утерянных идеалах и ненайденных ориентирах. В этом, конечно, проявляется специфика мышления эмигранта. Но не только. Своим творчеством Иван Елагин доказывает, что для него на первом

месте всегда будет человек, его маленькие беды и большие трагедии, где бы он ни жил, чью сторону бы он ни выбирал.

Литература

Абрамов А. М. Лирика и эпос Великой Отечественной войны : проблематика, стиль, поэтика / А. М. Абрамов. – Москва : Советский писатель, 1972. – 672 с.

Бабичева М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции : библиографические очерки / М. Е. Бабичева. – Москва : Пашков дом, 2005. – 446, [1] с.

Елагин И. Собрание сочинений : в 2 т. / И. Елагин ; вступ. ст. Е. Витковского. – Москва : Согласие, 1998.

Казанский В. Два лика поэзии Елагина // Литературный современник. Мюнхен. – 1951. – № 1.

Самарин В. Иван Елагин // Современник. Торонто. – 1965. – № 12.

Синкевич В. Последние дни Ивана Елагина / В. Синкевич // Новый мир. – 1990. – № 3. – С. 187-193.

Ускова А. Д., Екатеринбург
(науч. рук. – Чудновский В. В.)

Проблема развития характера героя в научной фантастике советского периода

Uskova A. D.

The problem of character development in the science fiction of the Soviet period

Статья посвящена анализу динамики в изображении героя в соотнесенности с авторской концепции. На материале научной фантастики советской эпохи рассмотрены вопросы особенностей киноматографической рецепции данного литературного материала, возможностей развития героя в двух художественных пространствах: литературе и кино.

Ключевые слова: научная фантастика, советская эпоха, автор, герой, идейное содержание, режиссерская интерпретация.

This article will help to examine the problem of development of a hero, as a way of representing the author's idea in science fiction during soviet period. The influence of director's interpretation of a literary text on his sematic content, a carrier of which is a hero. An opportunity of a hero development in two spaces: literature and cinematography. Focus on the specialties of a subjective writing organization in XX century. The article is just a part of a larger research.

Keywords: author, hero, ideological content, director's interpretation.

Заключительные титры, почтительная тишина зала. Только что в кинотеатре прошла ретроспектива фильма Андрея Тарковского «Сталкер». Не